

**СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО
О НОВГОРОДСКОМ ВОССТАНИИ 1650 г.**

(Источниковедческий обзор)

В Центральном государственном архиве древних актов в делах Посольского приказа в фонде «Сношения России со Швецией» (ф. 96) находится столбец № 3 за 1650 г., содержащий, как известно, документы о Новгородском восстании 1650 г. Это дело использовалось С. М. Соловьевым при создании «Истории России с древнейших времен» (кн. 5, т. 9—10. М., 1961. С. 492—516). Основываясь на этих материалах, М. Н. Тихомиров написал статью о восстании,¹ а также опубликовал 8 документов.²

Советские медиевисты, изучающие городские восстания XVII в., более к столбцу № 3 не обращались. Вероятно, среди историков сложилось представление, что документы, освещающие Новгородское восстание 1650 г., сохранились в отрывочном виде, что они рассеяны среди массива документов о Псковском восстании, а дошедшие до нас документы о Новгородском восстании полностью опубликованы. Между тем изучение состава и содержания документов столбца № 3 за 1650 г. (ф. 96) позволяет прийти к выводу, что в нем находится следственное дело о Новгородском восстании 1650 г. Историческая ценность документов дела, далеко не исчерпанная исследователями, очевидна. Вместе с тем следственное дело о Новгородском восстании 1650 г. представляет и большую источниковедческую ценность в силу того, что оно сохранилось в полном составе, а следственные дела XVII в., сохранившиеся в полном составе, являются редкостью.³

Оно содержит все группы документов, наличие которых позволяет судить о полноте состава следственного дела такого рода, как это определила Е. В. Чистякова в своей статье: «известную челобитную (или отписку воеводы) с донесением о выступлении, челобитные с жалобами пострадавших, царский указ воеводе, ближайшего города с изложением действий «бунтовщи-

¹Тихомиров М. Н. Новгородское восстание 1650 г. // Ист. зап. 1940. Т. 7.

²Тихомиров М. Н. Документы о Новгородском восстании 1650 г. // Новгород: К 1100-летию города. М., 1964. Далее ссылки на это издание даются в тексте: Документы.

³Чистякова Е. В. Состав следственных дел о городских восстаниях на юге России в середине XVII в. // АЕ. 1958. М., 1960. С. 92

ков» и назначением сыска (расспросные и пыточные речи восставших) и другие документы, рисующие идеологию восставших (записи, листы, челобитные), памяти из разряда, отписки воевод, росписи и указ о наказании участников восстания и смене воевод».⁴ Разумеется, документы Новгородского следственного дела имеют свою специфику, обусловленную конкретными историческими обстоятельствами и особенностями управления регионом, но они в основном укладываются в предложенную Е. В. Чистяковой классификацию. Хотелось бы лишь выделить в особую группу документы, вышедшие из лагеря восстания и отражающие требования и цели восставших (челобитные).

Задача по борьбе с восстанием в Новгороде и его подавлению легла на Посольский приказ. Ему подчинялась Новгородская четь, в ведении которой находился город. Кроме того, восстание имело косвенную связь с русско-шведскими отношениями (решение вопроса о перебежчиках в Россию на переговорах 1649 г. путем денежного выкупа и закупки хлеба для Швеции привело к спекуляции хлебом в Новгороде и Пскове, что способствовало обострению социальных противоречий). По этим причинам следственное дело о восстании в Новгороде велось в Посольском приказе, грамоты из Москвы, находящиеся в составе дела, составлялись за приписями думного дьяка М. Ю. Волошенинова и дьяков Алмаза Иванова и Андрея Немирова, которые в 1650 г. одновременно являлись дьяками Посольского приказа и Новгородской чети⁵

Однако расследование дела возглавлялось представителями высшей феодальной аристократии: допрос новгородских челобитчиков 12 апреля в Посольском приказе по царскому указу проводили Н. И. Одоевский, В. В. Бутурлин и думный дьяк М. Ю. Волошенинов (л. 218, 219), а документы сыска, присланные 29 мая из Новгорода Хованским, «чли» и отослали к царю И. В. Морозов, В. П. Шереметев, Б. И. Пушкин и тот же дьяк (л. 697).

Дело содержит 295 документов (на 848 листах столбцовой формы), часть документов представлена подлинниками («входящие» — челобитные, отписки, документы сыска, «росписи» и др.), а другая часть хранится в составе дела в виде отпусков («исходящие» — наказ, указы, грамоты).

Первую группу документов новгородского следственного дела составляют отписки воеводы Ф. А. Хилкова и митрополита

⁴Там же.

⁵Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 106—107, 203, 360.

Никона из Новгорода в Посольский приказ. Она включает 33 документа, в которых освещается ход событий в городе от начала восстания до его подавления. Первая отписка была написана, вероятно, в ночь с 15 на 16 марта, когда началось восстание, и отослана в Москву в виде черновика, так как «переписать... начисто не успели, стало вскоре» (л. 1). В последней отписке, отправленной Никоном, сообщалось о выходе 19 мая отряда Хованского на Псков (л. 677). Особый интерес представляют 14 отписок, написанных воеводой и митрополитом из восставшего города и тайно отправленных в Москву. После вступления в город карательного отряда 13 апреля часть отписок, посвященных вопросам административного характера (уплата жалованья, пропуск гонца с грамотой за рубеж), посланы только от имени воеводы. Некоторое количество отписок Хилкова и Никона имеют сопроводительный характер: при них были присланы в Москву явочные и изветные челобитные, поданные в Новгороде властям от дворян, стрельцов, подьячих, купцов во время ссыла.

Вторая группа документов представлена разного рода челобитными из правительственного лагеря. Явочные челобитные о неучастии в восстании подавали в Москве новгородские торговые и посадские люди 1 — 2 апреля, услышав «на Москве в мире» о восстании в Новгороде (л. 141, 154). Наибольший интерес представляют коллективные челобитные от находившихся в восставшем городе дворян и подьячих Новгородской съезжей избы (л. 279 — 280, 542 — 543), поданные властям и отосланные в Москву. Особенно ценную информацию о действиях лагеря противников восстания в городе содержит челобитная подьячих.

Изветные челобитные с доносами на участников восстания подавались в Москве и в Новгороде: 2 апреля митрополичий служка Иван Кузьмин подал в Посольский приказ извет на Демку Шапошника, якобы «бунтовщика», приехавшего в Москву из Новгорода (л. 156); в Новгороде 6 апреля стрелецкий десятник Ф. Герасимов подал стрелецким головам извет на одного из предводителей восстания Елисея Лисицу, в мае подавали изветы стрелецкий голова Г. Веригин и стрельцы Ф. и К. Меркурьевы (л. 320, 499 — 501, 710).

Челобитные с жалобами и рассказом о своих заслугах по подавлению восстания подали пострадавшие в ходе восстания новгородские купцы В. Стоянов, В. Никифоров, В. Проежалов (л. 614 — 617, 619 — 622), гости С. Стоянов и Ф. Емельянов, купец М. Воскобойников били челом о пропавших в Новгороде «животах» и деньгах (л. 625, 716, 755).

В деле находится царский наказ 24 марта 1650 г. князю

И. Н. Хованскому, посланному в Новгород во главе карательного отряда на подавление восстания (л. 44 — 66). Привлечение к этой задаче воеводы соседнего города было невозможно — в Пскове восстание началось еще раньше. В наказе излагаются сведения о действиях восставших, полученные из отписки воеводы и митрополита (л. 1), письма Т. Черкашенина новгородскому купцу В. Стоянову (л. 40, Документы, № 2) и расспросных речей псковского гонца М. Жиневлева, проезжавшего через Новгород 17 марта (л. 23 — 28, Документы, № 4), и назначаются меры по подавлению восстания — сбор ратных людей и стрельцов, ведение переговоров с «лутчими людьми», арест и допрос «воров и заводчиков», розыск имущества лучших посадских людей, чьи двory были разграблены; проведение допроса с пытками для розыска главных зачинщиков и заключение виновных в тюрьму. Правительство, опасаясь распространения восстания в другие города, предписывало сыскивать участников восстания, которые «из Новгорода збежали в ыные города».

В группе документов, исходящих из лагеря восстания, объединяются документы разных видов. Главное место занимают три челобитные от имени всего Новгорода, которые новгородская делегация привезла в Москву 12 апреля 1650 г. (по их расположению в деле — первая, вторая и третья). Все челобитные были составлены от имени всех сословий, за исключением черного духовенства, все были подписаны — первая и вторая — по 96 подписей, третья — 113, на оборотах второй и третьей челобитных указана дата их составления — «158-го марта в 28 день...». В первой челобитной (л. 248 — 253) новгородцы излагают свою версию инцидента, с которого 15 марта началось восстание, включают в текст челобитной сказку задержанного ими датского посланника И. Краббе, данную им в земской избе 16 марта. Их очень тревожит отправка в Швецию денег и хлеба, а также слухи о готовящемся нападении «свицких немцев» на Новгород и Псков. Напоминая о разорении Новгорода шведскими войсками во время Смуты, они просят не отправлять в Швецию хлеб и жалуются на хлебный недород, бывший в Новгородской земле два года.

Тексты второй (л. 255 — 264, Документы, № 7) и третьей челобитных (л. 265 — 278) от 28 марта полностью совпадают. Содержание их известно по публикации. Основные обвинения в них направлены против воеводы Хилкова, митрополита Никона и гостя С. Стоянова. При сравнении текстов можно определить, что протографом была третья челобитная (л. 265 — 278), а вторая является ее списком, имеющим пропуски слов и описки, что

неудивительно, ведь челобитчики «писали во всю ночь» (л. 652). Челобитные повстанцев царю на феодальную верхушку демонстрируют их наивный монархизм, содержат сведения об их положении и требованиях.

В деле сохранилась память от 20 марта 1650 г., выданная из Новгородской земской избы, где находилось, по выражению М. Н. Тихомирова, «фактическое правительство» восставшего города, дворянину С. Корсакову с разрешением на выезд из Новгорода через Славенские ворота (л. 112), он предъявил ее повстанческому караулу, а в Москве отдал в приказ.

В группу документов из лагеря восставших входит отписка Новгорода Хованскому от 10 апреля (л. 342 — 344), в которой повстанцы в ответ на требование впустить карательный отряд в город и начать сыск «воров» сообщили о своем намерении дожидаться своих челобитчиков из Москвы и предложили Хованскому войти в город «не со многими людьми», находчиво ссылаясь при этом на скудость конских кормов, т. е. фактически отказались впустить отряд.

После подавления восстания новгородцы подали три повинные челобитные, которые были посланы в Москву с новой делегацией челобитчиков, на этот раз от каждого из сословий отдельно: от стрельцов (л. 574 — 577) с 48 рукоприкладствами, от казаков (л. 578 — 581) — с 29 и от посада (л. 582 — 587) — с 93. Тексты челобитных стрельцов и казаков очень близки по смыслу. В них главной виной челобитчиков, «не пристававших к дурну», объявляется то, что они с бунтовщиками «не билися» во избежание «межусобной крови». Наибольший интерес представляет челобитная посада. Она содержит сведения о начале восстания, о разорении купеческих дворов, о создании 16 марта земского правительства, об охране города, о составлении челобитных, о намерении повстанцев оказать вооруженное сопротивление карателям, а также о сборе на гостином дворе противников восстания, посылке ими делегации к Хованскому в Спасо-Хутынский монастырь и входе его отряда в город.

В деле находятся также челобитные 1651 г. от заключенных в тюрьму участников восстания: 15 марта били челом 22 человека (л. 825), сидевших в Новгороде, из которых были подвергнуты наказанию кнутом и сосланы или освобождены 19 человек, в заключении остались «пущие заводчики» И. Жеглов, Е. Лисица и И. Молодожник; 25 марта подали челобитные два новгородских челобитчика — стрелец К. Дьявол и И. Кожевник (л. 842), которые тоже были освобождены.

Самую большую группу документов следственного дела составляет переписка Посольского приказа с главой карательно-

го отряда кн. И. Н. Хованским о действиях отряда по подавлению восстания (28 грамот из приказа, 44 отписки кн. Хованского). Отписки князя охватывают время с 26 марта по 29 мая (по времени получения их в приказе, точно отписки не датировались). Он сообщал о маршруте отряда, о расспросах людей, ехавших из Новгорода, и перлюстрации отписок Хилкова и Никона, о встрече и расспросе новгородской делегации с челобитными, о посылке гонцов в Новгород и о результатах их переговоров с повстанцами, пересылал полученные им из Новгорода документы — «грамотку» И. Жеглова, извет стрельца, отписку стрелецких голов. Писал о расспросе им Ф. Негодяева, предательски бежавшего из Новгорода, об отказе новгородцев впустить отряд в город, о приходе в Спасо-Хутынский монастырь «лутчих людей», о входе в Новгород 13 апреля его отряда. В отписках освещается проведение сыска о восстании, арест повстанцев, замена караулов в городе и вокруг него для пресечения пересылок с восставшим Псковом, сыск имущества с разгромленных дворов купцов. Хованский сообщал о переговорах с задержанным повстанцами датским посланником И. Краббе и казни его оскорбителей, присылал документы сыска, занимался подготовкой похода карательного отряда на Псков и включением в него новгородских стрельцов, направлял делегацию с повинными челобитными в Москву. Особой задачей карателей было обеспечить блокаду города, чтобы не дать растечься восстанию по другим городам, для этой цели служили не только заставы на дорогах, но и допросы (иногда и с пыткой) людей, приехавших в Новгород из других городов.

Москва в своих грамотах подгоняла карателей, требовала выяснить положение арестованного восставшими гостя С. Стоянова, наказывала послать лазутчиков в Псков, руководила переговорами с «лутчими людьми», организовавшими в Новгороде заговор против восстания. Когда войско Хованского вошло в город, правительство предписало пресечь связь Новгорода и Пскова, выяснить, была ли у восставших связь с Москвой, пытать людей из нижегородской вотчины С. Урусова, оказавшихся в Новгороде во время восстания. Хованскому уже был послан указ о казни 20 человек, арестованных во время сыска, как вдруг правительство сменило гнев на милость: казнь отменили, «заводчиков» восстания оставили в тюрьме, остальных участников (было арестовано более 200 человек) наказали кнутом и отпустили на поруки. Милость объяснялась тем, что Хованскому была поручена новая задача — подавление Псковского восстания, для чего были привлечены и новгородские стрельцы. Кроме того, суровостью расправы с Новгородом правительство опасалось под-

толкнуть псковичей к большому упорству в обороне.

Документы сыска включают две группы материалов: расспросные речи очевидцев событий в Новгороде во время восстания, записанные в Посольском приказе (18 документов, из них опубликовано 2 — Документы, № 4, 6), и расспросные и пыточные речи участников восстания, которые были записаны в Новгородской съезжей избе во время допросов, проводимых Хованским 21 апреля и новым воеводой кн. Ю. П. Буйновым-Ростовским 17 июня.

Расспросные речи очевидцев являются ценным источником, показывающим многие стороны действительности, не нашедшие отражения в официальных отписках, однако из-за того, что сообщенные приехавшими из Новгорода сведения, часто основанные на слухах, не всегда достоверны, этот вид источника требует проверки и сопоставления с данными других документов. Наиболее ценную информацию о восстании содержат расспросные речи новгородских челобитчиков кн. Хованскому в Валдае (л. 201 — 210) и в Посольском приказе (л. 219 — 246), новгородца Ф. Негодяева, перебежавшего на сторону правительства (л. 325 — 331, 402), дворян Я. Соловцова, Б. Ушакова, посланных в Новгород для переговоров с восставшими (л. 295 — 313, 346 — 350).

Расспросные и пыточные речи повстанцев (л. 630 — 657, 733 — 752), содержащие интересные сведения о восстании, обладают всеми свойствами источников этого вида, в них могло проявиться стремление допрашиваемого приуменьшить свою роль в восстании, т. е. свою вину.

В составе документов сыска находятся также «росписи» — списки участников восстания, составленные в ходе сыска. Хованский прислал в Москву «Роспись вором и заводчиком, которые посажены в тюрьму в больших винах до государева указа» (л. 557 — 566), а также список участников восстания с указанием их вины, составленный им по сказкам, поданным ему всеми сословиями населения города (л. 658 — 672). В Новгород 31 мая была послана грамота с царским указом и боярским приговором о наказании повстанцев, к ней прилагалась роспись «Имена новгородским всяких чинов людям, которые в Великом Новгороде к пущим вором и заводчиком приставали и во граде мятеж чинили, и за то им учинити наказанье, oprичь пущих воров и заводчиков, а за какие вины кому наказанье учинити, и то писано подлинно по статьям» (л. 682 — 692). 29 июня воевода прислал из Новгорода «Роспись тюремным сидельцом, которые объявились сверх росписи и даны на поруки в статье до государева указа» (л. 766 — 767).

Приговор по материалам сыска был вынесен 26 мая 1650 г. на заседании Боярской думы и записан в виде отдельного документа — это «Список с пометы» (л. 673 — 676), которая и фиксировала то, что «государь... указал, а бояря приговорили», помета-приговор расположена на склейках листов материалов сыска (л. 630 — 672, на лицевой стороне).

Последняя группа документов дела представлена перепиской Посольского приказа с новым воеводой Новгорода кн. Ю. П. Буйносовым-Ростовским о ходе сыска и наказании участников восстания (14 грамот из приказа, 8 отписок воеводы). Приказ в мае 1650 г. контролировал передачу сыска о восстании от кн. Хованского, вышедшего с отрядом на Псков, в ведение нового воеводы, давал распоряжения о помиловании части участников восстания, о сыске имущества с разграбленных купеческих дворов, о допросе и пытках подозреваемого в участии в восстании нижегородца, о наказании повстанцев. В марте 1651 г. в Новгород были посланы две грамоты об освобождении из тюрем заключенных повстанцев. В отписках воевода сообщал о выполнении указов, о допросах, пытках, наказаниях.

В составе следственного дела находятся также такие ценные и редкие документы, как «докладные выписи», представляющие собой справку, составленную в Посольском приказе, с приведением всех подробностей дела («большая докладная выпись» — л. 797 — 798, 800 — 814), с кратким изложением сути дела и указом о наказании виновных («малая выпись» — л. 826—834), в этих документах речь идет и о псковских повстанцах, которые после ареста были перевезены в новгородскую тюрьму (л. 815—824).

Документы следственного дела о Новгородском восстании 1650 г. позволяют установить общие причины и конкретный повод восстания, проследить ход восстания от его начала до подавления. Они позволяют определить характер движения, состав его участников, их тактику в ходе восстания, их требования. Документы ярко характеризуют политику правительства в отношении восстания, стратегию и тактику, направленные на его изоляцию и подавление.

Задачей беглого обзора документов было ознакомление историков и источниковедов с составом и содержанием следственного дела о восстании в Новгороде 1650 г. Эта задача выполнена, на очередь встает другая — публикация этого уникального комплекса документов.